

ЗОЯ ЮРЬЕВНА ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
zoypar@mail.ru

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
nafata@rambler.ru

КАТЕГОРИЯ РОДА ПРИ ОЛИЦЕТВОРЕНИИ: ОБРАЗНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ СМЕРТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье развиваются идеи, заложенные в новаторской статье Я. И. Гина «Поэтика грамматического рода», а именно анализируется совпадение и несовпадение грамматического рода и пола персонифицируемой сущности и персонификатора. В этом отношении исследуются случаи олицетворения «смерти» в русской прозе и поэзии XIX–XX веков и выделяются семантические группы персонификаторов «смерти». Рассмотрение основных семантических групп показывает, что соотношение в них слов женского и мужского рода различно. Хотя в целом можно заключить, что персонифицированная *смерть* предстает в литературе в женском образе, некоторые группы содержат довольно значительное число наименований мужского рода. Это группы, включающие в себя обозначения, связанные с мужскими ролями в обществе – наименования «воинственных» ролей: *витязь, стрелок, солдат*; профессий, связанных с охотой и убийством: *ловец, мясник, палач*; наименование *всадник*, связанное с библейским контекстом. В тех классах, где преобладают обозначения, относящиеся к женскому роду, также встречаются единичные наименования мужского рода, например *мужчина, старик, отец*. Их употребление маркировано и ощущается как контрастное по отношению к традиционному. На протяжении рассмотренного временного периода наблюдается эволюция класса персонификаторов смерти: если в начале XIX века он включал ограниченный круг наименований: *татья, вор, ловец, витязь, стрелок*, то в XX веке он пополняется значительным количеством обозначений различных профессий, занятий и ролей: *кузнец, рабочий, трубач, крупье, землемерша, подрядчица* и др. В поэзии конца XX века образ смерти приобретает все более современные черты. При сборе материала использовался Национальный корпус русского языка, его основной и поэтический подкорпусы.

Ключевые слова: олицетворение, грамматический род, признак пола, смерть, семантические группы, персонификатор, русская литература

Указанная в заглавии тема является развитием идей, изложенных в новаторской работе Я. И. Гина «Поэтика грамматического рода» [3]. В этой работе исследователь устанавливает корреляцию между грамматическим олицетворением и антропоморфной метафорой. В процессе метафоризации у олицетворяемой сущности признаки рода и пола могут как совпадать, так и вступать в отношения контраста. Поскольку семантический признак пола выражается родом образа сравнения, то такое совпадение / несовпадение можно анализировать, сопоставляя род персонифицируемой сущности и персонификатора¹. Я. И. Гин, в частности, приводит пример варьирования рода в образных обозначениях смерти в «Плаче по мужу» И. А. Федосовой, где смерть называется то «злодейкой», то «злодеем» [3: 30].

Образ смерти, имеющий глубокие корни в мифологии и культуре разных стран, привлек наше внимание из-за тенденции к родовой вариативно-

сти образных обозначений, что было подтверждено собранным в ходе исследования материалом русской художественной литературы. При сборе материала использовался Национальный корпус русского языка (НКРЯ)², как его основной (художественная проза), так и поэтический подкорпус. Из всех персонификаторов смерти исследовались только имена существительные, являющиеся ее непосредственными обозначениями в конструкциях приложения, перифразы, идентификации, сравнительных оборотах и др. Мы разделили все образные обозначения смерти на несколько семантических классов, в которых категория рода имеет различное выражение.

1. Наименования сверхъестественных существ. В этом классе уже в ранний период русской литературы в обозначениях смерти наблюдается родовая вариативность. Смерть представлена как божество, чаще всего крылатое, чудище, скелет, снабженное атрибутами – косой,

серпом и др. Такой образ опирается на мифологические представления [1: 43].

Наиболее характерно обозначение женского рода – *богиня*:

[о смерти] *Богиня!* – пагубен твой смертным вид кровавый, Но пагубней еще им образ твой лукавый (С. Бобров, 1789),

но встречаются и обозначения мужского рода:

гений: И тих мой будет поздний час; И смерти добрый *гений* Шепнет, у двери постучась: «Пора в жилище теней!..» (Пушкин, 1815)

и среднего:

чудовище: Смерть лютая, скелет, *чудовище* ужасно Со алчной челюстью, с губящею косою Предстала Правому (Вышеславцев, 1801); *страшилище*: Распался Он за мир – и мир Его крестом, Над смертью хищною, *страшилищем* вселенной, Победой хвалится в веселии святом (Ширинский-Шихматов, 1823).

Подобные обозначения встречаются в литературе и в более поздние периоды:

ангел: Ангел смерти (Некрасов, 1839), Жизнь страшна, жизнь свирепа, а смерть ласковый *ангел* (Амфитеатров, 1891–1896); *демон*: Где смерть, точно *демон*, хохочет: «Не скрыться, не скрыться тебе!..» (Фофанов, 1893); *призрак*: Смерть, как *призрак* белой дамы, Встретилась с тобой (Черубина де Габриак, 1909–1913); *исполин*: Потом пришли к дверям старинной кельи, Предстала Смерть, как бледный *исполин* (Бальмонт, 1903).

Иногда названия сверхъестественных существ конкретизированы именами собственными:

ср. *Вельзевул*: Смерть прошла, как черный *Вельзевул*, – Всё смолкло; дрогнул мир и вечным сном заснул... (Голохвастов, 1903–1952), *Мельпомена*: Как памятник-статуя, / надвинулась смерть-*Мельпомена*, / вас вечности святая, / стоит тяжело и надменно (С. Петров, 1957).

Представление смерти в образе скелета (см. выше пример Вышеславцева) влечет за собой постоянный эпитет *костлявая*: «*Костлявой* смерти на беду Я нить звенящую пряду» (Клюев, 1929–1934). Этот эпитет может субстантивироваться и употребляться самостоятельно как перифраза смерти:

– Дай хоть что-то сделать, хоть самую малость, а тогда бей, *костлявая!*.. «Это он – смерти!» – догадалась Валя (Нагибин, 1979).

Образ смерти как крылатого божества позволяет Ф. Сологубу употребить субстантивированное прилагательное *крылатая* в обращении к смерти:

Я жизни не хочу, – уйди, уйди Ты, бабища проклятая. *Крылатая*, меня освободи, *Крылатая*, *крылатая* (1922).

2. Слова, в семантике которых род заложен как основной дифференциальный признак: *женщина*, *мужчина*, *старуха*, *старик*, *дева*, *девочка*,

ка, *девушка*, *мальчик* и др. В русской культуре преобладают обозначения женского рода [1], [7], в то время как в других, прежде всего в немецкой и английской, – мужского (ср., в частности, работу об англоязычной поэзии [6]). В русской литературе смерть чаще всего предстает в образе *старухи*, которая также иногда именуется *карга*:

Амур, Гимен со Смертью строгой Когда-то шли одной дорогой Из света по своим домам, И вздумалось молодцам Втащить *старуху* в разговоры (Дмитриев, 1805); но, общий враг, Стоит *старуха*-смерть у каждого угла (Брюсов, 1912); *Старуха*-смерть, ты мне поведай: Сама ты можешь сосчитать Свои жестокие победы? (Шершеневич, 1928); Смерть, *старуха*, здесь не жди Ни любви, ни просветленья (Липкин, 1933); Свистит ли чертик в бабью щель, Или бормочет смерть-*старуха*» (Ю. Кузнецов, 1999); глядеть обидно: С ликом жуткого врага Смерть там видится, *карга* (Кропивницкий, 1952).

В поэзии более поздних лет смерть – *пожилая особа женского пола*, *старая дева*, образ ее конкретизируется деталями современного российского быта:

Смерть представляется в одушевленном виде, то есть живую, паче же – *особой женского пола*.

Старой девой или вдовой военного; так вполне *пожилою*, разгадывательницей кроссвордов в журнале «Семья и школа». Непременной общественницей, активисткой в ЖЭКе.

Может быть, даже работницей городского собеса или профсоюза, шарящей по картотеке подслеповато, с кариесом во рту (О. Николаева, 1995).

Реже смерть характеризуется метафорами, обозначающими противоположный возрастной полюс: *девочка*, *девушка*, *девица*:

Сияньем и сном растревожен вдвойне, Я сонные глазки открыл, И *девочка*-смерть наклонилась ко мне, Как розовый ангел без крыл (Цветаева, 1906–1912); Смерть – это *девушка* в одежде светлой, бальной, Но у нее простой и добрый вид (Лозина-Лозинский, 1912); Если ж смерть к нам постучится, Вспомним, что она – *девица!* (Агнивцев, 1915–1921).

К смерти применяются и обозначения без уточнения возраста: *женщина*, *дама*, *дамочка*:

Ты – Смерть, *женщина* с умным взглядом, Ты не жишь свое дитя? (Лозина-Лозинский, (1916); Пока на грудь, и холодно и душно, Не ляжет смерть, как *женщина* в пальто, И не раздавит розовым авто Шофер-архангел гада равнодушно (Поплавский, 1923–1930); Отыгрался червонный закат / и, на черную ночь посмотрев, / видит: высунулась из-за карт / смерть-лукавица, *дама* треп (С. Петров, 1943); Это понимаешь только вот накануне конца, когда подкрадывается тихонько какая-то болезнь и нашептывает по ночам, как сводня: «Ах, Захар, с какой я тебя *дамочкой* хочу познакомить!» Это она – про смерть... (М. Горький, 1928–1935).

На фоне этих многочисленных употреблений слов, в значение которых вписан признак ‘женский пол’, особенно контрастно выглядят полемизирующие с ними единичные образные характеристики смерти с семантическим признаком ‘мужской пол’ (возможно, в таких контекстах проявляется влияние германской традиции,

персонифицирующей смерть в мужском образе): *старик* (vs. *старуха*):

Ты умрешь бесславно иль со славой, Но придет и властно глянет в очи Смерть, *старик* угрюмый и костлявый, Нудный и медлительный рабочий (Гумилев 1908),

мужчина (vs. *женщина*):

Смерть, погибель, кончина...
Но меня не обманешь родом,
я знаю: смерть – *мужчина*,
щеголь рыжебородый,
надушенный, статный, еле
заметно кривящий губы...
И так он меня полюбит,
что больше не встану с постели (В. Павлова, 1997).

(в последнем примере присутствует метаязыковая рефлексия по поводу рода / пола смерти).

3. Обозначения лиц, наносящих вред человеку. Эта группа словоупотреблений соотносится с представлениями древних славян, о которых пишет А. Афанасьев:

Смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями, то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть, то наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружием [1: 43–44].

Соответственно этому в русской литературе характерны обозначения мужского рода *тать*, *вор*, *ловец*:

Приходит смерть к нему [смертному], как *тать*, И жизнь внезапно похищает (Державин, 1779); Да, это было всё: горел твой ясный взор, Звенел твой юный смех, задорный и беспечный, И смерть всё отняла, подкравшись к нам, как *вор*. Всё уничтожила с враждой бесчеловечной (Надсон 1883); Сердце навсегда утихнет, Смерть придет – полночный *вор* (Клычков, 1934); «Одни другим корысти, гонящи и гонимы, Как лисы хитроствы, как львы неукротимы, Доколе всех их Смерть, могущий сей *ловец*. В железу сеть свою загонит наконец (Ширинский-Шихматов, 1812).

В эту же группу входят названия профессий и занятий, связанных с убийством, – *палач*, *мясник*:

Отчаянье окрест и лютый плач: И «Смерть» звался неведомый *палач* (Вяч. Иванов, 1909); И к юду, в фартуке кровавом, Не раз подходит смерть-*мясник*, Но спит душа под салыным сплавом – Геенских лакомок балык (Клюев, 1916–1918),

с преступлением – *гангстер*:

Ты – *гангстер*, сволочь, смерть, попутчик хилый (Луговской, 1943–1956).

Воинственность смерти выражается в словах-персонификаторах *витязь*, *стрелок*, *солдат*:

Как яркий *витязь* смерть нашла, Меня как хищник низложила, Свой зев разинула могила И всё житейское взяла (А. К. Толстой, 1858); Но смерть-*стрелок* напрасно целится, Я странной обречен судьбе (Кузмин, 1916); И когда улыбка дитяти Расплещет губ черноту, Смерть-*стрелок* в бедуинском плато Роковую ставит мету (Клюев, 1921); Мимо смерть пройдет с пустым мешком, как *солдат*, контуженный в бою... (С. Петров, 1940).

Среди этих образных обозначений смерти, подчеркивающих ее зловещий характер, ее губительную для человека роль, преобладают слова мужского рода, исключения составляют слова *злодейка*, *лиходейка*, *разбойница*, *душегубка*:

смерть-*злодейку* Он считает за пустяк (Вяземский, 1853); Смерть, хоть *лиходейка*, А приносит людям пропасть барыша (Л. Трефолов, 1866–1889); *разбойница* и грешница – / смирительница Смерть (С. Петров, 1940); Дай подольше посидеть у края бережка, Злая Смертушка презлая, *Душегубушка!* (Чиннов, 1984),

а также слово общего рода *убийца* (хотя его род может уточняться определением):

Если у дерева тень зацветет, то засохнет / дерево тут же, а тень уподобится язве, / почву бесплодьем отравит и даже не охнет – / сделает смерть откровенной *убийцей* (Жданов, 1978–1991).

4. Обозначение *всадник* и более редкое *седок*, связанные с библейским образом смерти – всадника Апокалипсиса:

я, как страшный *всадник* – смерть – На бледном поскакал коне (Жуковский, 1851–1852); Когда же Агнцем Снята была четвертая печать: Конь бледный выбежал, и был ужасный На нем *седок*, и тот седок был – смерть! (Жуковский, 1852); И я взглянул: конь бледен. На оном *всадник* – Смерть. И целый ад За нею шел (Майков, 1868); И я взглянул: конь бледен, На нем же мощный *всадник* – Смерть (Бунин, 1903–1905); Испуская смрад и дым, *Всадник*-Смерть гнался за мною (Клюев, 1911).

Как мы видим, в контекстах с метафорическим наименованием *всадник* род сочетающихся с ним глаголов и местоимений может варьироваться: ср. глаголы в прошедшем времени мужского рода: *поскакал*, *гнался*, *был* – и местоимение (за) *нею* женского.

5. Обозначения лиц, выполняющих караульную функцию, – *страж*, *сторож*, *часовой*:

Подобно как овец в затворы, Их в преисподней заключат, Где света их не узрят взоры, Где *стражем* смерть стоит у врат! (М. Дмитриев, 1830–1865); Все земное Смерть, как *страж*, обходит в тишине (Бунин, 1901); Смерть, – это так, добродушный *сторож* в парке, который сгоняет со скамеек засидевшихся влюбленных (Радзинский, 1964); здесь бродит Смерть неумолимым шагом, / как *часовой* среди беззвучных плит (Эллис, 1911).

6. Образные обозначения смерти, связанные с древними представлениями, дают начало самой большой и разветвленной группе образов сравнения компаративных тропов, развивающих идею о функциях смерти. Эту группу можно условно назвать «Профессии, занятия, социальные роли, функции» (примеры обозначений мы располагаем по хронологическому принципу). В этой группе обозначений персонификаторов мужского и женского рода примерно поровну.

К мужскому роду относятся образные наименования, представляющие, во-первых, созидательные роли смерти – *строитель*, *кузнец*:

То, что за бредом в сознании осталось – Ключья какие-то чувств и ума, – В новый, неведомый мир в нем

слагалось, – Смерть тут *строителем* стала сама! (Случевский, 1880); Прекрасен и прочен героя венец – Ты, смерть, – для бессмертья кующий *кузнец!* (Якубович, 1901),

во-вторых, наименования, не маркированные по оси «созидание / разрушение», – *трубач, машинист, кладоискатель, ключарь, секретарь*:

А вдали, вдали, вдали, Между небом и землей Веселится смерть. И в полях гуляет смерть – Снеговой *трубач*... (Блок, 1907); Краток путь от люльки до погоста! Служит Смерть для жизни *машинистом!* (М. Горький, 1912); И с киркою Смерть-*кладоискатель* Из сраженных души исторгает (Клюев, 1915); Они живой зарок, что мира пышный склеп Раскраден будет весь и без замков и скреп Лишь смерти-*ключарю* достанется в удел (Клюев, 1916–1918); В скорбной бричке по неделям смерть, безносый *секретарь*, еле тащится с портфелем (С. Петров, 1936),

в-третьих, роли, по своей семантике соотносящиеся со сферой надувательства и обмана, негативно воспринимаемых финансовых операций, – *крупье, спекулянт, торгош, заимодавец, шулер*:

Светлый гость, игрок зазорный, Разоряется до нитки; Ставка чести погибает, Проигрыш *крупье* проворный – Смерть – лопаткою сгребает (В. Иванов, 1917); Стой, *спекулянт*-смерть, хриплый твой вой лжив, нашего дня не смей трогать: он весь жив! (Асеев, 1924); И смерть над ними, как *торгош*, Поводит бронзовой острогой (Заболоцкий, 1928); Тебе, пока под солнцем *Заимодавец*-смерть удерживает нас, За часом час мы шлем, червонец за червонцем, И превращается в расписку каждый час (Садовской, 1929–1935); Но, Боже, страсти знают лишь живые смерть, как *шулер*, всё возьмет к утру! (Амари, 1939).

Обозначения профессий и занятий, относящиеся к женскому роду, не имеют четкой классификации. Это *ветошница, лекариша, садовница, сводня, подрядчица, калика перехожая, паломница, землемерша, сестра милосердия, мотоциклстка*:

Смерть для нее [Мысли] *ветошнице* подобна, – ветошнице, что ходит по задворкам и собирает в грязный свой мешок отжившее, гнилое, ненужные отбросы, но порою – ворует нагло здоровое и крепкое (М. Горький, 1903); За перегородкой аптекарша, Сухощава: сплошная кость – Смерть – безживотая *лекариша*, Палец – ржавый гвоздь (Д. Бурлюк, 1916); Где отступается Любовь, Там подступает Смерть-*садовница*. Само – что дерево трести! – В срок яблоко спадает спелое... (Цветаева, 1920); Придет ли смерть, загадочная *сводня*, И лезвием по горлу зашекочет, Я все приму сегодня, Чего смерть ни захочет (Хлебников, 1921); Заря от Вас ли не прячется, иль сны еще Вас бодрят, когда уже Смерть-подрядчица взяла на Вас подряд? (С. Петров, 1939); *калика перехожая* / с поломанною палочкой, / ко всем местам *паломница*, / <...> смирительница Смерть (С. Петров, 1940); В лесу казенной *землемершею* Стояла смерть среди погоста, Смотри в лицо мое умершее, Чтоб вырыть яму мне по росту (Пастернак, 1953); И смерть, как *сестра милосердная*, / в косынке красной и сером халате, / как привыкла бывать у себя в палате, / на помощь тихохонько подошла (С. Петров, 1965); смерть лошадка смерть *мотоциклстка* / смерть Орфея / в крагах и в очках летающая низко / над землею (В. Кривулин, 1997).

Эти обозначения различаются по своим коннотациям. Так, например, скорее положительные коннотации присущи словам *строитель, кузнец, сестра милосердия*, в то время как *торгош, спекулянт, сводня* имеют отчетливые негативные коннотации. Среди названий профессий, относящихся к женскому роду, довольно много слов, образованных суффиксальным способом от названий мужского рода, с суффиксами *-ш(а): лекариша, землемерша; -иц(а): ветошница, садовница, подрядчица, паломница; -к(а): мотоциклстка*.

7. Обозначения людей, выполняющих властные функции. Представление о господстве смерти над человеком дает начало таким образным ее наименованиям, как, с одной стороны, слова женского рода *царица, владычица, государыня*:

Пусть, поцелуй на мне оснуж, Склонится смерть, *царица* жен (Хлебников, 1911–1912); Присутствуешь ты сам при их беседе с Богом, Ничтожное презрев, *царицу*-смерть поправ (Д. Андреев, 1955); То Смерть-*владычица* была, Она явилась на мгновенье, Дала мне жизни откровенье И прочь – до времени – ушла (Бальмонт); А как музыка зазвучала И очнулась вокруг зима, Стало ясно, что у причала *Государыня*-смерть сама (Ахматова, 1965–1966),

а с другой – мужского рода *хозяин, начальник, командир*:

Смерть – наш *хозяин*; кровь – утучнение полей; стон – песня (Зайцев, 1921); Великим *начальником*, не знающим ослушания, была смерть: она поравняла всех перед собой, она научила всех своему языку (Кузьмина-Караваева, 1924); Когда шесть круглых дул нацелено, Чтоб знак дала Смерть-*командир*, – Не стусклена, не обесценена Твоя дневная прелесть, мир! (Брюсов, 1923).

8. Наименования *гость / гостья, пришлец*, выражающие идею о том, что смерть посещает человека часто неожиданно. В этой группе частота употреблений соотнесенных слов мужского / женского рода приблизительно одинакова – *гость*:

...Когда бы смерть клюкой Ко мне в окно стучалась, Тогда б я счастлив стал, И весел, и покоен: Ее, как *гостя*, б ждал (Аргмаков, 1794); Скоро минуло отрадное время; Смерть всё пресекла, наш незванный *гость*; Пала на сердце кручина как бремя: Может ли буре противиться трость? (Катенин, 1814); Первый – белый, имя – Смерть; Глаз открыт, и зуб оскален, милый *гость* (Кузмин, 1908); И смерть в сраженьях не почетный, А только неизбежный *гость*, – И жизнь – с улыбкой беззаботной Бросает ей за костью кость! (Тиняков, 1914); Дед Гришака крутил тонкой, в морщинах и сухожилиях шеей <...> шевелил зеленой сединой усов. – Жду смертыньку, как дорогого *гостя* (Шолохов, 1928–1940); Мне хочется дожечь до той поры, Когда приходит смерть, как *гость* желанный (Н. Позняков, 1958);

гостья:

Себя лишь мудрый умеряет И смерть, как *гостью*, ожидает, Крутя задумавшись усы (Державин, 1811); Разобьем мы жизнь скорей! Смерть стучится у дверей. <...> *Гостья* милая, иди! (Л. Трефолов, 1879); С милой гостьей: желтой костью Щелкнет *гостья*: *гостья* – смерть

(А. Белый, 1908); И смерть приходит *гостьей* на обед, От детских рук прозрачных кровью пахнет» (Тихонов, 1915–1923); Между нами уже запросто ходила смерть, наша постоянная *гостья* (Туркул, Лукаш, 1937–1948); Ах, если б смерть – лихую *гостью* – Мне так же встретить повезло, Как Архимед, чертивший тростью В минуту гибели – число! (Кедрин, 1941).

Из приведенных вхождений видно, что в контекстах со словами *гость*, *гостья* встречаются как отрицательные коннотации (*незванный гость*), так и положительные (*желанный гость*, *дорогой гость*), связанные с ожиданием смерти как избавления.

9. Группа обозначений смерти с исключительно положительными значениями: *избавительница*, *освободительница*, *смирительница*, *благодетельница*, имеющими общий смысл 'избавление, освобождение от жизненных тягот' (в нашем материале встретились с таким значением только слова женского рода):

И она глядела в потолок и шевелила губами, и выражение у неё было счастливое, точно она видела смерть, свою *избавительницу*, и шепталась с ней (Чехов, 1894); Смерть-*избавительница* Закрывала глаза, сиявшие светом надежды, И целовала уста, шептавшие слова привет, И останавливала радостный стук сердца (Амари, 1906); Но, что бы там ни было, как хорошо, что есть она, смерть-*освободительница*! (Ф. Сологуб, 1904); Ближе... совсем близко я вижу выход: сладкую, рвущую все цепи, *благодетельницу* смерть... (Аверченко, 1910–1911); *смирительница* Смерть (С. Петров, 1940).

10. Слова, обозначающие отношения между людьми. Группа содержит как слова с положительными коннотациями *друг* / *подруга* и близкие к ним *спутник* и *союзник*, так и слова с отрицательными коннотациями *враг* и *врагиня*. В этой подгруппе обозначений преобладают слова мужского рода, но они могут относиться и к женщинам. Раньше всего в языке художественной литературы в тропах с предметом сравнения *смерть* появляется слово *друг*:

Когда бы жизнью он скучал И смерть к себе как *друга* звал, Тогда бы долго прожил с нами (Карамзин, 1795); К страдальцу Смерть на прах надежд увялых, Как званный *друг*, желанная, идет... (Жуковский, 1819); От уз освобожденный дух Первоначальный образ примет, И с вечных тайн пред ним подымет Завесу Смерть, как старый *друг*, И возвратит ему прозренья (Майков, 1888);

гораздо реже в этой функции употребляется слово *подруга*:

Подруга смерть, не замедляй, Разрушь порочную природу, И мне опять мою свободу для созидания отдай (Ф. Сологуб, 1903),

причем в ряде контекстов слово *подруга* обозначает отношение, связывающее смерть не с лирическим субъектом, а с некоторым другим феноменом:

Так жизнью всюду правят Страх и Боль, С ней рядом смерть, как верная *подруга* (Л. Бартольд, 1953).

Слова *спутник* и *союзник* имеют малую частоту употребления:

И тут же – вечный *спутник* Человека, немая и таинственная Смерть (М. Горький, 1903); Содрогнулся дракон и снова Устремил на пришельца взор, <...> Смерть, надежный его *союзник*, Наплывала издалека (Гумилев, 1918–1921).

Противоположная оценочность присуща антониму слова *друг* – обозначению *враг*, сближающемуся по своей семантике с ранее описанными наименованиями *вор*, *убийца*, *палач* и пр.:

И стал я звать таинственную Смерть, Как закланного, кровного *врага*, На грозный бой, – но Смерть не появлялась (Случевский 1860),

встречается и соотносительный по роду дериват *врагиня*:

Спи, проклятая, спи, когда смерти-*врагине* не спится (В. Блаженный 1973).

11. Большую группу персонифицирующих обозначений смерти составляют термины родства (в абсолютном большинстве женского рода), самый частотный из которых – *невеста*. А. Афанасьев пишет о нем:

В числе других представлений Смерти особенную поэтическую свежестью дышит то, где она является невестою. Этот прекрасный образ объясняется из старинных метафорических выражений, уподоблявших кровавую битву – свадебному пиршеству, а непробудный сон в могиле – опочиву молодых на брачном ложе. Умирая от ран, добрый молодец, по свидетельству русской песни, наказывает передать своим родичам, что женился он на другой жене, что сосватала их сабля острая, положила спать калена стрела [1: 57].

Традиционно смерть – невеста лирического субъекта-мужчины:

<...> отдаю за тебя свою дочь <...> – Нет, Евстафий, мне, видно, одна *невеста* – смерть <...> (Марлинский, 1823); Разобьем мы жизнь скорей! Смерть стучится у дверей. <...> Мы подем под венец. <...> Свахи наши тут как тут. В церковь божию зовут. <...> Смерть – *невеста* и жена – Назови их имена! (Л. Трефолев, 1879); Любим мы бурю, – шум ее и ужас, Смерть не пугает: нам она *невеста*! (Бутурлин, 1880–1893); Трепещущий, с улыбкою покорной, Он, как жених – *невесты*, смерти ждет... (Мережковский, 1890); Прощая жизни смех злорадный И обольщенья звонких слов, Я ухожу в долину снов, К моей *невесте* беспощадной (Ф. Сологуб, 1896); О Мать-Гвердь! *Невеста*-Смерть! Прейду И я порог, и вспомню, вспоминаю (Вяч. Иванов, 1909); Вся – легкая, вся – сон, смерть – в бальном платье фея! Нагнулась ласково и шутит, что богата *Невеста*-смерть... (Лозина-Лозинский, 1912); Рабы Любви, Вам Смерть – *невеста*, И нет вам места В дневном пределе (Вяч. Иванов, 1915); Иль не стало в нашей стране Сыновьям нашим должного места, Что мы отдали их войне И дали им смерть в *невесты*? (Полонская, 1919).

В очень редких случаях роли меняются местами: девушка, женщина становится невестой смерти. В таких случаях на первый план выходит представление о свадьбе и смерти, а родополовые коннотации стираются:

О, Эдальвина! <...> Горькой ты смерти юна *невеста*! Брачные песни замолкли навеки! (Г. Каменев, 1799)

(подобное явление – размывание значения рода – для терминов родства отмечено М. А. Журиной [4]).

К этому явлению может добавляться отсылка к германской культуре, в которой смерть – мужского рода, например, в стихотворении В. Брюсова со значимым заглавием «Пляски смерти. Немецкая гравюра XVI в»:

[Смерть – монахине] Я ведь тоже в черной рясе: Ты – черница, я – чернец. Что ж! поди, в удалом плясе, Ты со Смертью под венец! (1909–1910) (здесь слово *невеста* не употреблено, но смерть, которая называет себя чернецом, предлагает монахине пойти под венец).

Кроме слова *невеста*, смерть обозначается в метафорах и сравнениях

как *жена*: Смерть – невеста и *жена* (Л. Трефолев, 1879); Люблю октябрь, предснежный месяц, И Смерть, развратную *жену*!.. (Северянин, 1910); Будет час – о, я знаю, знаю: Различая Радость и персть, Как невесту, я жизнь встречаю, Как *жену*, я узнаю смерть (Голенищев-Кутузов, 1924);

как *вдова*: Тайнственный ужин разделите вы, Лишь Смерти не кличьте – печальной *вдовы*... (Клюев, 1916–1918),

мать: Мы можем досыта резвиться и играть: За нами смотрит смерть, как любящая *мать*... (Н. Минский. Тучки, 1878); *Мати*, моя Мати, Пречистая Мати! Смерть тихогласная, Тихоокая смерть! (Герцык, 1908), Любви, любви тоску незримую, о Смерть, о *Мать*, благослови (З. Гиппиус, 1911); И смерть, как *мать*, мне поднесет Свой избавительный напиток (М. Мыслинская, 1926); *мама*: Иной зовет скукою, Иной мукою... А *мама*-Смерть – Разлукою, Девочку в сером платьице... (З. Гиппиус, 1913); *матушка*: Смерть седая *матушка* Уж недалеке (Кропивницкий, 1939),

сестра: Да хвалит Господа и Смерть, моя родная, Моя великая, могучая *сестра*! (Мережковский, 1891); Когда придет моя пора, Когда ударит час разлуки И ты – Суровая *Сестра* – Ко мне протянешь властно руки, – Не отступлю, не прокляну, Не содрогнусь перед тобою (Тяньков. Смерти, 1915); Смерть земная – всем *сестра* старшая, Ты ко всем добра, и все смиренно Чрез тебя проходят, будь благословенна! (Волошин, 1919); Так и смерть, прервав восторг и муку, – Старшая суровая *сестра*, – Стиснет нашу стынущую руку, Поведет... (Е. Таубер, 1920–1936); ...в испуганный диком Над его уже застывшим ликом Только смерть, как добрая *сестра* (Ахматова, 1954); Страшна душевная болезнь, а не смерть, недаром же у покойников всегда такие хорошие, умиротворенные лица. Даже у безумцев, вспомнил он с удивлением. Добрая *сестра* – смерть расколдовывает их души, прежде чем унести с собой (Нагибин, 1972–1979).

Родственные отношения, как и дружеские (см. выше), связывают смерть не только с лирическим субъектом, но и с различными другими явлениями, например, смерть и сон характеризуются как близнецы (образ, восходящий к античной культуре), любовь и смерть, война и смерть, жизнь и смерть как сестры:

На одной теснясь подушке, Все миры поймавши в сеть, Жмут тебя две потаскушки, Две *сестрицы*: Жизнь и Смерть! (Агнивцев, 1915–1921).

На фоне подавляющего большинства терминов родства, характеризующих смерть как лицо женского пола, в нашем материале встретился

всего один контекст со словом, обозначающим лицо мужского пола – *отец*: «И, как *отец*, Над головою смерть склонилась» (Белоцветов, 1930).

12. К смерти часто применяются обозначения, являющиеся типичными в функции обращения, тоже в основном женского рода: *матушка*, *голлубушка*, *красавица*, *мадамочка*, *барышня*, *го-спожя*, *гражданка* с разным стилистическим значением:

Придет, говорят, смерть и поймет тогда человек, как он на свете прожил. И увидит он, что не то он делал, что нужно делать, и возьмет его тогда тоска и возмолится он перед смертушкой: смертушка-*матушка*, отпусти меня на один годок, я один годок поживу и хоть маленько свои дела исправлю (С. Семенов, 1900); И я себе прошел, как какой-нибудь ферт, Скинул джонку и подмигнул с глазом: «Вам сегодня не везло, *мадамочка* Смерть? Адью до следующего раза!» (Сельвинский, 1922); Нет, мы тебе не побегим навстречу, Тебе, *гражданка* Смерть, не в меру будет лезть. Мы двух столетий жили на откосе, Тебя, *гражданка* Смерть, мы видели не раз (Е. Полонская, 1926).

Употребляется и слово *товарищ*, которым можно назвать и мужчину, и женщину. В одном контексте *товарищ смерть* согласуется с глаголами в женском роде (*победила, взяла верх*):

Ольга грубо взяла себя за щеки и оттянула кожу к ушам. В таком виде она стала похожа на маму в гробу: в маме без следа исчезла мягкость, округлость лица, а кость победно выпятилась, Ольга даже заплакала над мамой, жалея не просто утрату. Утрату лица. Что ж ты, *товарищ* Смерть, так выпираешь, если уже все равно победила и взяла верх? (Г. Щербакова, 1997),

в другом – вне позиции обращения – согласование происходит по мужскому роду (*был*):

Ведь на празднике со свитой, Лично был *товарищ* Смерть! (М. Садов, 2008).

Итак, рассмотрение основных семантических групп слов – персонификаторов смерти в русской литературе показывает, что в разных группах соотношение слов женского и мужского рода различно. Хотя в целом можно заключить, что персонифицированная *смерть* предстает в литературе в женском образе, что соответствует представлениям древних славян и определяется грамматическим родом самой персонифицируемой сущности, некоторые классы содержат довольно значительное число наименований мужского рода. Это классы, включающие в себя обозначения, связанные с мужскими ролями в обществе, – наименования «воинственных» ролей: *витязь*, *стрелок*, *солдат*; профессий, связанных с охотой и убийством: *ловец*, *мясник*, *палач*; наименование *всадник*, связанное с библейским контекстом. В тех классах, где преобладают обозначения, относящиеся к женскому роду, также встречаются единичные наименования мужского рода, например *мужчина*, *старик*, *отец*. Их употребление маркировано и ощущается как контрастное по отношению к традиционному. Среди обозначений смерти можно выделить пары, образующие

словообразовательные корреляции по роду: *старик – старуха, гость – гостья, друг – подруга, враг – врагиня*.

На протяжении рассмотренного временного периода наблюдается эволюция класса персонификаторов смерти: если в начале XIX века он включал ограниченный круг наименований: *тать, вор, ловец, витязь, стрелок*, то в XX веке он пополняется значительным количеством обозначений различных профессий, занятий и ро-

лей: *кузнец, рабочий, трубач, крупные, землемерша, подрядчица* и др. В поэзии конца XX века образ смерти приобретает все более современные черты.

Исследование категории рода образных обозначений смерти можно продолжить, например, рассмотрев имена собственные как опорные слова компаративных тропов (в нашем материале – это *Одиссей, Гераклит, Цирцея*), а также экзотические имена (типа *папуас* у С. Черного) и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дальнейшее развитие идей Я. И. Гина можно наблюдать в работах, посвященных поэтической функции рода, в частности при персонификации ([2], [5] и др.).

² НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.01.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 3. М.: Индрик, 1994. 840 с.
2. Богатырёва О. Л. Креативный потенциал категории рода в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
3. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода / Подгот. текста С. М. Лойтер; Вместо предисл. Л. В. Савельева. Петрозаводск, 1992. 168 с.
4. Журинская М. А. Об именах релятивной семантики в системе языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. № 3. С. 249–260.
5. Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html> (дата обращения 01.03.2018).
6. Матвеева А. С. Олицетворение смерти в англоязычной поэзии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 114. С. 222–231.
7. Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 58–71.

Petrova Z. Y., Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russian Federation)
Fateeva N. A., Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russian Federation)

THE CATEGORY OF GENDER IN PERSONIFICATION: FIGURATIVE NAMES OF DEATH IN RUSSIAN LITERATURE

The paper develops the ideas contained in the pioneering article by Y. I. Gin “The Poetics of Gender”. Specifically, the match and mismatch of gender and sex of the personifying entity and the personificator are analyzed. In this regard, the cases of death personification in the XIX–XX centuries’ Russian prose and poetry are investigated: semantic groups of death personificators are established. Consideration of the main semantic groups shows that the ratio of the words of feminine and masculine gender varies. While it may be generally concluded that a personified *death* appears in Russian literature as a female character, some groups contain a fairly large number of masculine names. These groups of names include designations associated with masculine roles of the society – “militant” and “combative” roles: *a knight, a gunner, a soldier*; occupations associated with hunting and killing: *a hunter, a butcher, a hangman*; the name *horseman* is associated with the Biblical context. In those classes, where feminine names dominate, there are also some names of masculine gender, e. g. *man, old man, father*. Their use is marked and is felt as a standing contrast to the existing tradition. During the time period in focus the evolution of the class of death personificators is observed. The class is expanded by various names of occupations. The image of death progressively acquires modern features in poetry of the late twentieth century. The material was collected with the use of the Russian National Corpus.

Key words: personification, gender, concept of death, semantic groups, personificator, Russian literature

REFERENCES

1. Afanas'ev A. Poetic views of nature by the Slavs. In 3 vol. Vol. 3. Moscow, Indrik Publ., 1994. 840 p. (In Russ.)
2. Bogatyreva O. L. Creative potential of gender in Russian. Author's abstract of the cand. philol. sci. diss. Moscow, 2008. 23 p. (In Russ.)
3. Gin Ya. I. Poetics of gender, S. M. Loyter (ed.); L. V. Savel'eva (preface). Petrozavodsk, 1992. 168 p. (In Russ.)
4. Zhurinskaya M. A. Names with relative semantics in the language system. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1979. № 3. P. 249–260. (In Russ.)
5. Zubova L. V. *The category of gender and linguistic experiment in modern poetry*. Available at: www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html (accessed 01.03.2018) (In Russ.)
6. Matveeva A. S. Personification of death in English poetry. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2009. Issue 114. P. 222–231. (In Russ.)
7. Tolstaya S. M. *Smert'.* *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. In 5 vol. Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012. P. 58–71. (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.03.2018